

добольной любви, желающей всёмо спасенія, что ты и тамъ, предъ престоломъ Всевышняго, будешь такимъ же молитвенникомъ, какимъ былъ здѣсь въ странѣ пришельствія. Аминь.

С Л О В О

въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Блюдите убо, како опасно ходит
(Ефес. V, 15).

Въ безконечномъ ряду безчисленныхъ, благодѣйный Божіихъ роду человѣческому вообще и христіанскому въ особенности воспоминаемыхъ нынѣ церковно событіе занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Иисусъ Христосъ, нашъ всеблагій Господь, неизмѣнно сетавааясь нашимъ любвеобильнѣйшимъ Отцемъ и Промыслителемъ, для большаго облегченія и приближенія къ Нему — Матерь Свою дарова намъ земнымъ въ помощь, въ покровъ и защиту.

И вотъ, имѣя такого милосердаго Господа и защиту всю сильную защиту въ Его пречистой Матери, казалось бы нечего намъ болѣе ожидать и предполагать въ своей жизни, какъ только спокойнаго развитія и совершенствованія, и повсюднаго довольства, какъ слѣдствія твердаго сознанія нашей безопасности отъ золь и бѣдствій подъ Богоматеринымъ покровомъ. Но къ сожалѣнію, ни для кого не тайна, что обыденная жизнь человѣческая слагается по преимуществу изъ постоянныхъ и непритомъ невоображаемыхъ, и действитель-

тельныхъ тревогъ и опасеній за собственное благополучіе какъ у отдѣльныхъ личностей, такъ у самыхъ обществъ и цѣлыхъ народовъ.

Что же за причина этого грустнаго, но преобладающаго, тяжелаго, но не единичнаго, а общаго явленія?— Вопросъ, стоящій серьезнаго вниманія!

Блюдите убо, како опасно ходите.

Отечская попечительность о насъ Отца небеснаго и матерняя о насъ заботливость небесной Покровительницы и Заступницы, безъ всякаго сомнѣнія, вполне достаточны оградить насъ отъ всѣхъ дѣйствительныхъ опасностей и тревогъ, вполне сильны облегчить и устранить всѣ трудности жизни, всѣ препятствія къ благополучному и спокойному преусиѣянію въ добрыхъ и дѣйствительно полезныхъ нашихъ стремленіяхъ. Но для этого совершенно необходимо съ нашей стороны искреннее, сыновне-покорное, полное любви къ Богу, отношеніе къ данному Имъ, руководительному для насъ въ жизни началу, Его Свлученію, необходимо съ нашей стороны искреннее сознаніе обязанности неуклоннаго и безусловнаго подчиненія требованіямъ и указаніямъ Св. православія.

А всегда ли это замѣчается въ такъ называемой рациональной, нашей просвѣщенной жизни?

Конечно, есть между нами и не мало честныхъ дѣятелей, добросовѣстныхъ тружениковъ, истыхъ ревнителей завѣтныхъ преданій отеческой вѣры, поборниковъ богоугодныхъ совершенствъ и высокихъ добродѣтелей; но эти избранники, *коихъ недостойнъ міръ, но ради коихъ стоитъ міръ*, по большей части незримы для міра, какъ потому, что они скромно и въ тишинѣ служатъ благу міра, такъ особенно и потому, что міръ, чрезмѣрно претендующій быть разумнымъ и просвѣщеннымъ, усвоилъ

себѣ привычку неохотно замѣчать ихъ, несочувственно относиться къ нимъ, даже не рѣдко умышленно не знать этихъ высокихъ, но не любезныхъ ему, строгихъ отличителей его неправдъ и заблужденій.

Не чаще ли, не дерзновеннѣе ли съ каждымъ днемъ снѣются проникать въ нашу, долженствующую быть проникнутою одними строго-христіанскими началами, жизнь — понятія и воззрѣнія, правда новая, но вовсе не согласная съ тѣмъ богоначертаннымъ кругомъ священныхъ обязанностей, въ который введены мы спасительною дверью Св. крещенія?

Надмѣнный разумъ, гордый своими открытіями, изслѣдованіями и усовершенствованіями, направленными исключительно къ земнымъ, чувственнымъ и потому временнымъ удобствамъ, къ матеріальному благоустройству частной и общественной жизни, съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ все болѣе и болѣе покушеній безусловно овладѣть всѣми сторонами жизни человѣка, хочетъ сдѣлаться единственнымъ руководителемъ въ его дѣятельности, исключительно и безраздѣльно хочетъ стать единственнымъ законодателемъ общественной и частной нравственности. Желательно, чтобы просвѣщенный разумъ былъ руководителемъ въ нашей жизни, но съ тѣмъ, чтобы этотъ разумъ всецѣло *плынешъ въ послушаніе вѣры*, чтобы онъ, при цѣляхъ земныхъ, высшими цѣлями своихъ усилій и стремленій всегда поставлялъ высшее нравственное совершенствованіе духа человѣческаго, *дондеже достигнемъ вси въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. IV, 13), чтобы онъ не злоупотреблялъ своими могучими силами и не извращалъ богодарованную свободу человѣка въ безграничную необузданность, покорную развѣ только страстямъ.

Но въ томъ-то и горе, въ томъ-то и бѣда, что разумъ нашъ, задавшись исключительно и единственно земными, матеріальными выгодами и удобствами, забывъ объ интересахъ высшихъ, духовныхъ, или дѣи ложнаго уснокошенія себя, самовольно объявивъ ихъ не существующими, уже не можетъ не считать стѣснительными высокія и совершенныя требованія христіанства. Привыкнувъ служить эгоистичнымъ, себялюбивымъ расчетамъ, онъ уже не задумывается объявлять и неудобоисполнимыми, и не пужными и немѣющимися будто бы наглядной, осязательной пользы въ практическомъ примѣненіи — высокія обязанности христіанина, добросовѣстное исполненіе которыхъ не возможно безъ глубокаго самоотверженія и безкорыстнѣйшей любви къ другимъ.

И вотъ разумъ и вѣра, наука и жизнь христіанская болѣе и болѣе расходятся въ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. Успѣхъ въ жизни не рѣдко уже относится не къ Богу, Благодателю нашему, а самоувѣренно приписывается вѣрности разумнаго взгляда, силѣ характера личности и опытности и умѣнью жить. Намъ, Господи, намъ, а не Имени Твоему слава, говоритъ своею жизнью современный дѣятель. Въ неудачахъ и несчастіяхъ онъ опять горделиво ищетъ опоры въ собственныхъ силахъ. И хотя не рѣдко безвозвратно падаетъ въ неровной борьбѣ съ трудностями жизни, но упорно продолжаетъ отдалять себя отъ помощи Божіей и Его всемогущаго заступленія.

При сознаніи въ себѣ пороковъ и слабостей чаще и чаще уже не въ раскаяніи и строгомъ осужденіи ихъ ищется облегченіе и успокоеніе, а слагается вина на обстоятельства и людей, снисходительно обсуждаются причины и побужденія къ проступку, заботливо подыскиваются обстоятельства, смягчающія вину, и такимъ образомъ съ

успѣхомъ, достойнымъ лучшаго назначенія, открыто преслѣдуется и достигается легкомысленный обманъ собственной совѣсти. И только о слабостяхъ другихъ обнаруживается судъ строгій, неумолимый! — О другихъ толкуютъ и судятъ и строго и долго: каветамъ, пересудамъ, преувеличеніямъ и порицаніямъ нѣтъ счета и конца; только относительно собственныхъ промаховъ признается *удобнѣ молчаніе*.

Заповѣдь новую даю вамъ, говоритъ Господь и Учитель нашъ, *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбихъ вы* (Іоан. XIII, 34). А духъ нашего просвященнаго вѣка, дерзко объявивъ истины вѣры устарѣвшими, готовъ смотрѣть и на эту новую и высокую заповѣдь, какъ на ученіе, уже отжившее свой вѣкъ. Не даромъ же онъ придумалъ понятіе о гуманизмѣ, правда очень новое, но чѣмъ?—безжалостнымъ обезображеніемъ братской христіанской любви, примѣсю къ ней личнаго разчета. Безкрыстное самоотверженіе для блага другихъ охотно смѣняется понятіемъ о какомъ то благородномъ самолюбіи, сознаниіи собственного достоинства, поклоненіемъ собственнымъ заслугамъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ къ собственному общественному положенію. А любовь къ ближнимъ?.. Она преслѣдуется настелько, насколько это полезно и выгодно для насъ самихъ!

Сколько потрачено словъ и бумагъ на то, чтобы улучшить положеніе бѣдняка, облегчить трудности жизни для всѣхъ и каждаго? Если бы осуществилась хоть половина ходячихъ, модныхъ, гуманныхъ предположеній и плановъ, — жизнь наша сдѣлалась бы раемъ на землѣ. Но тутъ-те и вопросъ... Лишь только коснется дѣло осуществленія какихъ-либо благихъ предначертаній, какъ мы обращаемъ строгое вниманіе на то, соединены ли возла-

гаемыя на насъ общественнымъ положеніемъ обязанности съ нашими личными выгодами, отвѣчаютъ ли онѣ нашимъ частнымъ цѣлямъ; и если нѣтъ, то на общественное служеніе мы смотримъ уже, какъ на дѣло второстепенное, насъ лично какъ бы не касающееся. Невниманіе къ долгу, опущенія, непониманіе обязанностей, иногда только кажущееся, — нерѣдкость, а это естественно пролагаетъ путь къ подозрѣніямъ и худшаго.

Послѣ сего не удивительно, что благія учрежденія и реформы новаго времени приносятъ благихъ плодовъ менѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ ожидать, судя по ихъ сравнительнымъ человѣческимъ совершенствамъ. Да иначе и быть не можетъ.—При отсутствіи должнаго усердія и вниманія въ дѣлѣ служенія благу другихъ, усилія поддержать падающую разрозненность сословій и состояній только возбуждаютъ взаимное недовѣріе, а съ тѣмъ вмѣстѣ порождаютъ и усиливаютъ взаимныя тревоги и опасенія. Недобросовѣстность въ одномъ случаѣ располагаетъ къ подозрѣніямъ въ другомъ. Способный на обманъ естественно ожидаетъ и боится самъ сдѣлаться жертвою коварства,—и стремленіе къ благу общему задерживается и ослабляется.

При такихъ условіяхъ современной жизни можно даже удивляться, какъ еще достигнуты хотя тѣ виды добра, какими мы имѣемъ счастье пользоваться нынѣ; и нельзя вмѣстѣ съ порфироснымъ Пророкомъ не задаться вопросомъ: *Господи! что есть человекъ, яко помниши его, или сынъ человекъ, яко посѣщаеши Его* (Псал. VIII, 5). Ты помнишь его даже и тогда, когда онъ Тебя забываетъ; Ты посѣщаешь его, когда онъ заботливо уклоняется отъ Тебя!

Только внушаемое св. вѣрою сознаніе, что *милость Твоя, Господи, пожметъ насъ вся дни живота нашего*

(Псал. XII, 6), проясняетъ все среди мрачныхъ явленій современной жизни, обнаруживающей все болѣе и болѣе охлажденія къ вѣрѣ и менѣе и менѣе уваженія къ неприкосновенной устойчивости нравственныхъ началъ. Но милосердіе Божіе, пробавляющее къ намъ милость до нынѣ, отъ вѣчности тѣсно связано съ Божественнымъ правосудіемъ. И если уже есть рядъ злоупотребленій этою милостью и рядъ неразумныхъ испытаній этого правосудія и долготерпѣнія, то давно пора остановиться на этомъ несчастномъ пути и давно пора рѣшительно повернуть на путь правый, освѣщаемый чистымъ свѣтомъ Христовой истины. При этомъ свѣтѣ уже безопасно можно опираться и на могучія, но не всегда добрыя и безвредныя силы разума и окружающій насъ мнимо-просвѣтительный духъ вѣка.

Блудите убо... опасно ходите... днѣ вѣка лукави!

Ты же, о Богомати! *чюдотворную мудрость вѣка по-срамившая, и ослыпленныхъ сю на путь правый наставляющая, настави и насъ на этотъ путь, и не престань покрывать насъ честнымъ Твоимъ омофоромъ отъ всякаго зла, проявляющаго себя не въ дѣлѣ только, но и въ словѣ и мысли. Аминь.*

Священникъ В. Васильевъ.